

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
М Е М У А Р Ы

Зигфрид Вестфаль

ГЕРМАНСКАЯ АРМИЯ НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ

ВОСПОМИНАНИЯ НАЧАЛЬНИКА
ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА

1939–1945

Зигфрид Вестфаль

**Германская армия
на Западном фронте.**

**Воспоминания начальника
Генерального штаба. 1939-1945**

«Центрполиграф»

Вестфаль З.

Германская армия на Западном фронте. Воспоминания
начальника Генерального штаба. 1939-1945 / З. Вестфаль —
«Центрполиграф»,

Генерал Зигфрид Вестфаль возглавлял штабы знаменитых военачальников — он служил у Роммеля в Северной Африке, затем у Кессельринга в Италии и у Рундштедта во Франции. Автор дает детальное описание событий с точки зрения немецкого командования, рассказывает о ситуации, сложившейся в армии во время двенадцатилетней диктатуры национал-социалистов, говорит о том, насколько ограниченной оказалась свобода действий военачальников. Проницательный наблюдатель, Вестфаль показывает историю германской армии изнутри и дает скрупулезный анализ событий, очевидцем которых он был на полях сражений Второй мировой войны.

Содержание

Предисловие	5
Часть первая	6
Глава 1	6
Солдаты и политики	6
Армия, народ и партия	9
Солдат на войне	11
Оружие пропаганды	13
Глава 2	16
Задачи, влияния и сопротивление	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Зигфрид Вестфаль

Германская армия на Западном фронте. Воспоминания начальника Генерального штаба. 1939-1945

Предисловие

В этой книге я хочу рассказать о подспудной истории германской армии в Третьем рейхе. Моя точка зрения – это взгляд профессионального солдата, который вступил в немецкую армию в конце Первой мировой войны и оставался в ней до роспуска армии.

Описывая кампании против западных союзников, в которых я принимал участие в качестве офицера германского штаба¹, я придерживался трезвого и объективного изложения событий, которые сохранились в моей памяти и записях, стремясь служить лишь истине и пытаясь избежать преувеличений.

Поскольку положение германского солдата при правлении Гитлера нельзя понять, просто изучая события Второй мировой войны, фактическая часть этой книги предваряется разделом, в котором я пытался разъяснить психологическую ситуацию в армии во время двенадцатилетней диктатуры национал-социалистов, те глубинные причины, которые заставляли солдат служить Гитлеру и его режиму.

Из этих записок будет понятно, как германская армия, равно как и ее противники, оказалась втянутой в водоворот событий, которые роковым образом стали происходить вслед за приходом Гитлера к власти, на сколько ограниченной была свобода действий военачальников как в мирное, так и в военное время и как туго они были скованы всевозможными путами.

В этой книге будет говориться исключительно о сухопутной армии, однако это сознательное ограничение не следует воспринимать так, что другие службы в какой-то мере противопоставляются друг другу.

Также я не хочу никого ни защищать, ни оправдывать, но лишь объяснить и внести свой вклад в более объективное понимание происходящих событий. Возможно, книга прояснит некоторые ложные, зачастую раздражающие и глубоко укоренившиеся предубеждения, которые являются результатом односторонней пропаганды. Пусть она, таким образом, послужит делу мира, ибо настоящий и долговечный мир невозможен без понимания. Этот мир, который должен возобладать, – главное желание не только немецкого народа, но также его бывших солдат, которые видели и испытали на себе, день из дня и год из года, ужас и страдания, неумолимость современной войны. Высказывание фельдмаршала графа Гельмута фон Мольтке сегодня звучит более чем актуально: «Каждая война, даже самая победоносная, является бедствием для народа; ибо никакое завоевание земли или денег не возместит жизни людей и не уменьшит скорби осиротевших».

¹ Список разных должностей, которые я занимал во время обсуждаемых событий, приведен в Приложении II. (Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. авт.)

Часть первая

ГЕРМАНСКАЯ АРМИЯ В ТРЕТЬЕМ РЕЙХЕ

Глава 1

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ

Солдаты и политики

При кайзере главной заповедью солдат была преданность Верховному главнокомандующему армией. Во время Первой мировой войны германские войска продолжали сражаться, пока кайзер не покинул армию. И только после этого политики получили некоторое влияние в вооруженных силах.

Весной 1919 года место старой армии заняли «временные оборонительные войска», которые были учреждены в конце войны для защиты и укрепления восточных границ. Кроме того, существовал так называемый «фрайкор» – добровольческий корпус. Вначале никакой верховной власти не было. Ни прусский военный министр, генерал Рейнхардт, ни позже министр обороны Носке не были достаточно сильны, чтобы объединить различные войска. Это стало возможно лишь после Капповского путча, который ясно показал настроения, преобладавшие среди германских солдат. Когда во главе вновь образованной армии рейха стал генерал фон Зект, способности которого в полной мере признали не сразу, он устранил опасность, исходящую от «фрайкор» корпуса, распустив его и применив там, где было нужно, силу; категорически отказался принимать радикально настроенных людей в армию, даже если они представляли ценность как военные. И сверх того, он запретил политику. Его целью было создать армию, свободную от какого бы то ни было политического влияния, не важно – справа или слева. Таким образом, армия рейха стала и оставалась абсолютно надежным инструментом первой Германской республики. Это было продемонстрировано не только во время Мюнхенского путча в 1923 году, но также во время широко известных событий 5-го артиллерийского полка в Ульме в 1930 году, когда несколько молодых офицеров пытались вести нацистскую пропаганду в ответ на запрет политических действий и выступлений. Многочисленные попытки коммунистов повлиять на войска в равной степени оказались безуспешными.

У солдата не было права голоса, и он не был заинтересован ни в каких партиях. Он не имел политических амбиций, и его не касались никакие политические события. Полная изоляция армии от политической жизни народа поощрялась политиками Веймарской республики, ибо это исключало влияние на нее бесчисленных политических партий и ее не могли использовать в качестве инструмента революционной борьбы. Фактически у армии не было связей ни с одной из партий. Исторически доказано, что армия не принимала ни малейшего участия в так называемом «захвате власти» 30 января 1933 года.

Единственное, чему были преданы германские офицеры и солдаты послевоенной армии, – это их отечество, и такое отношение внесло существенный вклад в то, что Германия успешно избежала бедствий, угрожавших ей в течение первых бурных лет после 1918 года. Тем не менее нельзя сказать, что все офицеры 100-тысячной сильной армии были убежденными республиканцами. Несмотря на тот факт, что сердца многих, наиболее зрелых из них, все еще тяготели к монархии, они оставались верными клятве преданности новому государству. Консервативные элементы офицерского корпуса были не самыми плохими защитниками республики.

Между тем в конечном итоге принцип Зекта об аполитичном солдате зашел слишком далеко. Результатом явилось безразличное и даже некритичное отношение к политическим вопросам среди высшего офицерства. Резкая разделительная линия пролегла между военным и политическим секторами, которую не разрешалось переходить солдату; впрочем, у него и не было ни малейшего желания делать это. Но все же то, что было правильно и достойно похвалы при демократической республике, имело непредвиденные и роковые последствия при диктатуре.

Для того чтобы справедливо судить о трагических событиях, которые вскоре последовали, необходимо признать, среди всего прочего, следующее: начиная с 1932 года Германия не только страдала, как весь остальной мир, от серьезного экономического кризиса, но, судя по всему, существовала еще и огромная, вполне реальная угроза коммунизма. Устранение этой опасности главным образом путем быстрой ликвидации безработицы не могло не вызвать у армии сочувствия. Дробь нацистских барабанов также вызывала искренний отклик, как и возвращение старых национальных знамен, красного, белого и черного цветов. Нельзя отрицать, что красный, белый и золотой флаг не был популярен в армии; дискредитация его, годами осуществлявшаяся определенными кругами, не могла не оказывать влияния. Международная политика Гитлера поначалу вылилась в грандиозный успех, который возбудил большие ожидания и безграничное доверие среди народа, особенно потому, что эти успехи не были оплачены кровью. Все это постепенно завоевывало армию и привлекало ее на сторону Гитлера. Солдат ослепила собственная политическая невежественность, и они не смогли рассмотреть сатанинскую сущность характера и поступков диктатора.

Более того, было бы глупо утверждать, что установление военного паритета без кровопролития не было воспринято с радостью. Однако надо сказать, что и желания отвоевывать силой оружия территории, потерянные в результате подписания Версальского договора, у солдат тоже не было. Они не горели желанием вновь увидеть армию, занимающую главенствующую роль. Высшее офицерство больше было озабочено неспособностью плохо вооруженной 100-тысячной армии защищать границы Германии, в особенности если бы Польша и Чехословакия вели себя более активно, что в то время легко могло бы привести к войне. Хотя, разумеется, в армии испытывали значительное моральное удовлетворение от сознания того, что Германия вновь имеет равные права в сообществе наций.

Тогда часто говорили, что офицеры поддерживали Гитлера в надежде на продвижение по службе. В некоторых случаях это, конечно, так, однако в целом это неверно. Так, глава армейского директората генерал фон Хаммерштейн, занимавший этот пост до 1934 года, был широко известен как заклятый противник Гитлера. Такое же отношение к Гитлеру было и у сменившего его генерал-полковника фон Фрича. Соппротивление нацистскому влиянию начало ослабевать лишь после устранения фон Фрича, и в продолжение войны оно постепенно угасло, когда в армии не оказалось собственного лидера.

Рекрутский набор 1936 года почти весь прошел через гитлерюгенд, поэтому новобранцы были настроены менее критично, чем пожилые офицеры. Более того, в первые годы режима наметилась общая тенденция повесить все неприятности и промахи на партию и ее неадекватных исполнителей и оправдать Гитлера, сняв с него вину за происходящее. «Фюрер об этом ничего не знает, можете быть уверены». Однако ни молодые, ни старые не понимали, в каком направлении их ведут. И лишь очень немногие могли противостоять системе. Менталитет профессионального воина был основан на «верности и вере». Он с давних пор безоговорочно подчинялся данной присяге и с удовольствием держался вдали от политики. Старшие по возрасту офицеры особенно сопротивлялись попыткам заставить их принять мировоззрение национал-социалистов; они считали, что могут сохранить внутреннюю независимость даже при диктатуре Гитлера.

Со своей стороны Гитлер мастерски использовал политическую наивность солдат. Вначале он вроде бы обращался с армией по принципу «*noli mi tangere*» (не тронь меня – *лат.*). Он тянул время, пока не укрепился прочно в седле, и тщательно избегал делать что-либо такое, что могло бы привести к неприятностям. Впрочем, затем он заявил, что каждый немец должен «мыслить политично», то есть думать так, как это делали нацисты. Никто не мог быть государственным служащим, военным или гражданским, если он не был убежденным нацистом. Заметим кстати, что даже при монархии республиканцам разрешали занимать важные должности. Если какой-либо офицер обнаруживал, что его убеждения отличаются от нацистских, то самым простым и наиболее удобным решением для него было подать в отставку или перейти к пассивной роли аполитичного солдата-служаки. И он именно так и поступал, ибо понимал, что оппозиция так или иначе безнадежна; в любом случае иное отношение было невозможно. Это поддерживалось желанием армии, общим для всех регулярных армий, быть до определенной степени изолированной, живущей собственной жизнью. Впрочем, решающей здесь была вера высшего армейского командования в то, что оно должно оставаться политически нейтральным. Сомнений в том, что это неверно, нет и быть не может. Те, кто командовал армией, флотом и военно-воздушными силами, не должны были полагать, что их долг ограничивается лишь военной субординацией. Они также несли большую политическую ответственность за нацию.

Несправедливо будет утверждать, что немецкие военачальники в начале Второй мировой войны, а именно Браухич и Редер, как командующие армией и флотом (Геринг был первым и самым основным политиком, связанным с партией), утратили чувство ответственности за решения, касающиеся войны и мира. Но после того как их борьба за мир осенью 1938 года была сочтена как холостой выстрел в связи с неожиданным поворотом событий в Мюнхене, политическая неуверенность военных лидеров достигла наивысшей точки, привела к моральной покорности, которую не стоит затушевывать. Причина такой неудачи, при окончательном анализе, состоит в том, что высшее военное командование в Третьем рейхе, скажем Бломберг и позднее Браухич и Редер (не принимая в расчет Кейтеля), просто были не в состоянии противостоять Гитлеру. Они чувствовали себя неспособными бороться с ним. Разумеется, Браухич и Редер сдались с болью в сердце, но тем не менее они это сделали. От первого мы знаем, через какие сильные муки угрызения совести ему пришлось пройти. С Редером дела обстояли почти так же, ибо они оба выглядели не более как милитаристами, хотя всячески противостояли войне и до последнего момента лелеяли надежду, что можно сохранить мир, как в предыдущем году, особенно после того, как был отменен первый приказ напасть на Польшу 25 августа 1939 года. Тем не менее хорошо известный британский военный писатель Лиддел Харт не совсем ошибается, когда пишет в своей книге «По ту сторону холма» о «современном Понтии Пилате», который умывает руки, потому что он лишь выполняет приказы. Группа, которая так давно находилась у власти и лидировала, очевидно, устала противостоять и закрепилась в отношении покорности, субординации.

Мы до сих пор слишком близки к этим событиям, чтобы беспристрастно судить о них. Однако следует принимать в расчет исключительно сложное положение главных солдат Третьего рейха. Они боролись, как могли, в одиночку, они не имели возможности спросить совета ни у членов парламента, ни у свободной прессы или у какого-нибудь другого ответственного и независимого человека.

Вполне уместно здесь затронуть часто обсуждаемый вопрос «вины». Кого следует обвинять? Совершил ли германский солдат преступление против своего народа и мира, сражаясь под знаменами Гитлера? Мнения и волнения понемногу улеглись со времен тех тяжелых испытаний, и теперь многие понимают, что все солдаты, выполнявшие свой воинский долг, действовали с доброй верой и с чистой совестью. По этой причине их вина не может быть больше, чем вина тех, кто оставался на родине и кто также безоговорочно верил в правильность происходящего и косвенно принимал участие в военных действиях. Германские воины были кол-

лективно виновны, равно как и весь немецкий народ. Дальше мы будем возвращаться к теме вины отдельного человека.

Армия, народ и партия

Армия была частью народа. Все здоровые мужчины служили, а потом возвращались в общество, открывая дорогу для новобранцев следующего года. Народ думал, что армия – это школа, в которой молодых парней учат порядку и чувству долга, и такое образование вовсе не рассматривалось как непреложная подготовка к очередной войне; это положение сохранялось даже после отмены призыва в 1919 году. Когда армия отправилась на маневры, все сословия населения по всей стране соперничали друг с другом, чтобы как можно лучше позаботиться о расквартированных войсках. Отношения между армией и населением были теплые и доверительные и оставались таковыми даже в Третьем рейхе. Попытки партии вызвать раскол, особенно порицая офицерский корпус, как реакционный, в основном успеха не приносили. Народ чувствовал, что армия стремится оставаться оазисом простоты, справедливости и христианской службы. И это была, в особенности сохранение старых традиций, самая подозрительная черта из всех в глазах партии. Однако политически наиболее здравомыслящая часть населения именно эту черту армии считала самой удобной. Не было ничего удивительного в том, что многие молодые люди, равно как и зрелые мужчины, «утекали» в армию, чтобы избежать влияния партии. Многие в стране связывали свои надежды с армией, веря, что она вмешается, если все пойдет слишком далеко. Трагедия состоит в том, что армии не удалось сделать этого. До самого конца у солдат на пряжках был начертан старый девиз: «С нами Бог»; священник – отец и заступник на земле. Нет необходимости больше говорить об армии и народе; их отношения были именно таковы, какими они и должны были быть.

Армия не была частью партии. Несмотря на то что она была готова работать с нацистами в интересах народа и рейха, отношения между ними всегда оставались прохладными. Под «партией» здесь следует понимать не весь корпус более или менее убежденных членов партии, но только партийных чиновников. Избыток высшего партийного руководства в разных областях общества противоречил фундаментальным взглядам армии. Тирания «маленьких Гитлеров» была в такой же степени отвратительной. Методы пропаганды наносили удар, поражали сознание солдат, быстро растущая византийская роскошь возбуждала. Никто не принимал смехотворные теории «господствующего народа» всерьез. Впрочем, к сожалению, опасность, порожденную распространением преувеличенного национализма, тогда еще никто не признавал.

Первые трудности возникли с СА (штурмовыми отрядами). Особенно частые конфликты вспыхивали в связи с военным обучением членов СА. Уже весной 1934 года стало ясно, что лидеры СА желают оттеснить армию в сторону, поставить свои организации вместо нее и таким образом удерживать государство в собственной власти. Попытка примирения, предпринятая Гитлером в то время, успеха не имела, ибо у СА не было намерения сохранять соглашения, которые могли бы возникнуть в результате этого и в соответствии с которыми их задача сводилась бы лишь к политическому образованию. Они продолжали заниматься военным обучением и вооружением. Вскоре кризис усугубился из-за провокационного поведения некоторых высших офицеров СА. Особенно много слухов о готовящемся путче Рёма возникло во второй половине июня 1934 года. Несмотря на это, удар, нанесенный Гитлером 30 июня, застал армию врасплох, она испытала шок. Ликвидация СА была осуществлена СС. Их методы были омерзительны и не могли быть оправданы приличными солдатами. Даже тогда кое-кто подумывал о том, что СС может превратиться в новую угрозу. Убийство генералов фон Шлейхера и фон Бредова, так же как и других невинных людей, которые оказались связанными с путчем Рёма, были резко осуждены офицерским корпусом, и, более того, это расценивали как оскорбление армии. Армия потребовала расследования и сатисфакции, однако добиться этого не удалось.

Бломберг отказал в своей поддержке на основании того, что Шлейхер и Бредов вступили в преступную связь с послом Франции. Никто из тех, кто был знаком со Шлейхером или с Бредовом, не поверил в эти обвинения. Однако, чтобы опровергнуть это, не доставало доказательств. Председатель профессионального союза всех вышедших в отставку и работавших офицеров Генерального штаба фельдмаршал фон Макензен заявил тогда на ежегодном собрании союза, что Бредов и Шлейхер «пали на поле чести», что было поддержано громом аплодисментов.

Теперь СС стал злейшим врагом армии. Опасность состояла не только в том, что это было второе прирученное войско, враждебность вызывало антихристианское отношение и незаконные многих вождей СС.

Армия приветствовала тягу партийных организаций, сразу же после захвата власти, к церкви. Попытки объединить евангелические церкви также поначалу казались почетными. Между тем под руководством Гимmlера вскоре разгорелся острый конфликт между конфессиями. Помимо нескольких отступников, действия Гимmlера были осуждены всем офицерским корпусом, однако с этим ничего нельзя было сделать. Отвращение армии было настолько очевидным, что в специальной речи, произнесенной перед высшим командованием армии в 1938 году, Геринг упрекнул офицеров в тяготении к духовенству. Христианские тенденции армейских генералов Гимmlер позже использовал в качестве основания для их отставки.

Армия не являлась другом евреев, но в то же время она не была настроенной антисемитски. Обращение с евреями между 1933 и 1939 годами заставило армию испытывать стыд за Германию. Тварей, подобных Штрейхеру, презирали не только военные, но и гражданское население, равно как и его порнографическую газетенку *Der Stürmer*. Армия принимала участие в евреях, которые сражались за Германию и проливали за нее кровь в Первой мировой войне, и даже оставляла в рядах армии некоторое количество солдат, в жилах которых текла еврейская кровь. Во время войны большинство солдат были на фронтах за пределами Германии, поэтому они лишь по слухам знали о преступлениях против евреев.

Естественно, люди знали о существовании концентрационных лагерей. Но в армии не было информации ни о количестве, ни о природе этих лагерей, а также об их узниках и об условиях, в которых они содержались. Вплоть до конца войны большинство слышало лишь о Дахау и Ораниенбурге. Такие названия, как Аушвиц, Бельсен и Бухенвальд, стали известны лишь после капитуляции.

Тот факт, что многие партийные чиновники избегали военной службы, вызывал презрение, хотя солдаты были рады, что им не приходится лицезреть коричневую партийную униформу. Истинные милитаристы из Третьего рейха не были профессиональными военными, но являлись главарями нацистской партии. Никто не презирал СС или СА больше, чем профессиональный воин, но это ни в коем случае нельзя объяснить профессиональной ревностью. Солдата задевало, что солдатская форма использовалась в политических целях и что почти все в Германии должны были носить военную форму. Солдат никоим образом не приветствовал и не поддерживал «униформизацию» народа, а также то, что его используют в партийных целях на демонстрациях и парадах. Разумеется, среди германских профессиональных военных были люди, исполненные пресловутого «гарнизонно-квартирного духа», которые ценили форму превыше содержания. Но таких было меньшинство. И за редким исключением они не достигали высоких должностей.

Долгое время мир сохранял превратное мнение о том, что германский солдат и в особенности германский офицер исполнен не военного, но милитаристского духа и для него быть солдатом – это не то, что в других армиях – призвание и долг по отношению к нации. Говорили, что он рассматривает войну как венец «личной и национальной жизни», что «война – благо-

родное и необходимое занятие для немцев», что «многие десятилетия мысли немца касались лишь агрессии, завоевания и господства над другими народами»².

Однако суд над военными преступниками в Нюрнберге, который имел в своем распоряжении все архивы, установил, что вышеприведенные предположения ложны и что пропаганда, которая их поддерживает, построена на ложных данных. И это при том, что денацификация проходила очень жестко, особенно в среде профессиональных военных. Так, в американской зоне, для которой специально был создан закон «Об освобождении от национал-социализма и милитаризма», сотни генералов и офицеров Генерального штаба, даже те, кто жил в других зонах, должны были отвечать перед специально учрежденными трибуналами, но лишь ничтожно малое количество их было признано виновными³.

В распоряжении трибуналов имелись многие тома свидетельских показаний, ибо прокуроры Нюрнберга относили к ним любые материалы. По радио население призывали давать свидетельские показания против осужденных, названных поименно. Подозрение в том, что судьи выносили суждение *pro domo* (для себя, в защиту своих интересов – *лат.*), разумеется, несправедливо и не доказано. Тем не менее вышеприведенные высказывания, звучавшие на суде, имели негативный эффект.

Солдат на войне

Мы видели, что отношение армии к нацистской диктатуре в мирное время не было исполнено энтузиазма; скорее оно характеризовалось сомнением и отчасти отвращением. С весны 1939 года и далее оно вступило в новую фазу. Теперь началась борьба, которая длилась почти шесть лет, борьба армии, флота и люфтваффе против внешнего врага.

До последнего момента в высших военных кругах, а на самом деле и во всей армии и среди народа сохранялась надежда, что, несмотря на все напряжение, несмотря на военные приготовления, войны не будет. Общее мнение, как и в предшествующие годы, было таково, что Гитлер будет блефовать и угрожать до определенных пределов, чтобы добиться своих целей, однако он не пойдет настолько далеко в использовании вооруженных сил. В конце концов, он понимал, что будет означать война для народа; он также понимал, что армия не готова. «Фюрер этого не сделает. Он хочет мира и нуждается в нем» – такое можно было услышать часто. Когда 1 сентября началась война против Польши, многие увидели кошмарное видение того, что грядет. Однако все еще надеялись, что конфликт может быть локализован и что война постепенно «выдохнется». Большинство отказывалось верить в мировой пожар. Многие офицеры армии до весны 1940 года верили, что Гитлер не начнет атаку на Западе. В доказательство приводились их наивные суждения о невозможности наступления – это недавние гарантии Гитлера уважать нейтралитет Голландии, Бельгии и Люксембурга. И также весной 1941 года многие полагали, что вряд ли возможна война с Советской Россией. Думали, что Гитлер просто блефует, чтобы вытянуть как можно больше экономической помощи у Советов.

В 1914 году население было исполнено жгучим энтузиазмом и убеждено, что вступает в войну за правое дело. Двадцать пять лет спустя невозможно разглядеть ни малейших признаков энтузиазма. Мрачные и угнетенные, миллионы людей подчинились приказу о призыве. Большинство ничего не знало о пакте Келлога. Они не понимали и того, что Германия – агрес-

² Обвинения, выдвинутые прокурором на Нюрнбергском процессе.

³ В Западной Германии около 167 000 в то время профессиональных военных всех рангов, от фельдмаршала до капрала, предстали перед трибуналом. Из них 20 были осуждены как основные виновные по классу I, 61 осуждены по классу II и 325 – за менее тяжкие преступления по классу III; 15 362 были отнесены к классу IV как сопричастники, в то время как в классе V 94 458 были освобождены от ответственности, а 41 217 вообще не были привлечены к суду, потому что против них не было возбуждено дело.

сор. Официальное заявление о том, что польские войска пересекли границу у Гливице, казалось, в свете опыта в Верхней Силезии после Первой мировой войны, вполне вероятным.

Германский солдат вступил в конфликт, который теперь разгорался в соответствии с теми же законами, которым подчинялись все мужчины всех наций, и согласно этому закону он выполнял свой долг до конца. Он сражался и проливал кровь не ради нацистской партии, но веря, так же как солдаты вражеской армии, в то, что он должен служить своей стране.

Солдаты армии были из разных сословий. Бедные и богатые, молодые и старые, белые воротнички и рабочие стояли плечом к плечу. Армия была весьма большой и продолжала расти во время войны. Примерно десять миллионов человек носили армейскую форму. По этой причине среди молодых рекрутов невозможно было выделить людей, придерживающихся какой-либо определенной точки зрения, как, например, новобранцев из СС. Армия представляла собой определенный срез общества. В каждом обществе имеются добропорядочные и плохие граждане, люди с разными морально-нравственными качествами. И поэтому неизбежно то, что определенный процент армии составляли бедняки или даже криминальные элементы. Такие люди принадлежали не только к нижним чинам. И это сказки, что промахи нескольких приписывали многим. Избыток этих дурных элементов нанес огромный вред репутации всей армии. Теперь, когда тучи немного рассеялись, стало возможно рассуждать спокойнее. Все больше и больше распространяется мнение, что германская армия Второй мировой войны ни в коем случае не состояла из одних только угнетателей беззащитного населения, грабителей и убийц. Следует признать, что безжалостность нацистов по отношению к другим народам не оказала серьезного влияния на германский менталитет и в большей степени также на поведение солдат. Между тем в целом германский солдат сохранил в этой войне свою старую репутацию. Общественное мнение еще не имеет достаточных оснований, чтобы возвысить доброе и гуманное в характере нашего народа.

До осени 1942 года германская армия наступала на всех театрах военных действий. Но после того времени она была вынуждена перейти в оборону. Весной 1943 года применение радаров обернулось поворотным пунктом в войне, как на море, так и в воздухе. Это новое изобретение исключало дальнейшее применение тактики, проводимой подводными лодками, которая до сих пор была успешной. Война с помощью подлодок в существовавшей тогда форме подошла к концу. Их потери быстро росли. Стало невозможно дольше скрывать тот факт, что наши потери серьезно возросли.

В середине того же года западные союзники вынудили люфтваффе окончательно перейти к оборонительной войне. Люфтваффе все еще могли одерживать победы вплоть до лета 1944 года, пока союзники не высадились в Европе. До этого времени англичане и американцы несли тяжелые потери в летном составе, сражавшемся над Германией. Однако остановить разрушения, наносимые бомбардировщиками противника, было невозможно. На востоке люфтваффе, сконцентрировавшие свои силы на жизненно важных точках вдоль линии фронта, до конца 1944 года все еще могли оказывать значительную помощь наземным войскам. (Сокращение вооруженной мощи люфтваффе объясняется высоким процентом потерь летного состава. Если в армии были трое раненых на одного убитого, то в люфтваффе соотношение было обратным. Потери⁴ офицеров люфтваффе, а именно 15 процентов убитых, составили самую высокую пропорцию во всем вермахте⁵.) Качество обучения ухудшилось, потому что многие инструкторы погибли во время поставки припасов войскам по воздуху и из-за нехватки горючего. По этой причине германские пилоты, которые проходили обучение, не могли иметь более 250 часов налета, в то время как английские и американские летчики во время обучения располагали вдвое большим количеством часов.

⁴ В целом 60 процентов общей военной силы, которая была на службе.

⁵ Вермахт – термин, охватывающий армию, флот и военно-воздушные силы.

После провала воздушного нападения на Англию главная вина этого падает на Геринга, не обеспечившего интенсивную разработку новых самолетов. Правда, осенью 1944 года люфтваффе еще могли оказать сопротивление, поскольку располагали 3300 истребителями против 1000 в начале войны, однако они не были так хороши, как машины союзников. Реактивный истребитель Me-262 был в свое время самым быстрым в мире, и шесть эскадрилий этой модели воевали до конца войны, но перед началом вторжения он еще не был готов, поскольку Гитлер потребовал, чтобы машины были переоборудованы в истребители-бомбардировщики. Таким образом, он отложил их практическое применение на девять месяцев.

После такого широкого разоружения люфтваффе и сворачивания кампании подводных лодок вся тяжесть борьбы пала на сухопутные вооруженные силы. Они должны были проводиться армией и соединениями люфтваффе, а также дивизиями СС. Армия не только была вынуждена противостоять огромному материальному превосходству противника на суше, не получая при этом достаточной поддержки от собственных военно-воздушных сил, но и изо дня в день ей приходилось выдерживать порой беспрепятственные атаки вражеских формирований бомбардировщиков. То, что все еще удавалось сохранять позиции на многих фронтах, почти полностью обеспечивалось армией. Естественно, другие силы продолжали делать то, что могли, и также несли тяжелые потери. Однако их усилия не играли решающей роли.

Если вообще стоит искать причины, которые удерживали германского солдата в сражении до полного и окончательного коллапса, то их следует искать в его чрезмерно развитом чувстве долга, в его покорении неизбежному и в его отчаянной надежде, что слишком много крови и слез пролито зря. Конечно, сыграли свою роль и умная пропаганда, которой он подвергался в течение нескольких лет, и в не меньшей степени эксплуатация его мужских добродетелей, которые воспитывались на протяжении веков. Способность армии стойко держаться, невзирая на обрушившиеся на нее бедствия, достойное несение солдатами службы при тяжелейших испытаниях, величина их жертвы и их верность отечеству не может превзойти ни одна армия в мире⁶.

Верховное командование, возглавляемое Гитлером, не видело и не признавало этого. После каждого «провала» его негодование против армии нарастало. Как же стало возможно, что армия, на чьих плечах лежала вся оборона родины в последние годы войны, все еще оставалась золушкой германских вооруженных сил?

Подробно ответить на этот вопрос – задача третьей главы данной книги. Но прежде чем мы предпримем эту попытку, мне кажется, будет правильно кратко рассмотреть некоторые аспекты пропаганды во время войны. Это поможет лучше понять некоторые события, имевшие место в центральном руководстве армией перед войной и которые описаны во второй главе.

Оружие пропаганды

Пропагандистская война – это борьба за души. В то время радио было самым мощным инструментом. Как и всякое другое оружие, пропаганда имеет собственные законы, которым необходимо следовать неукоснительно. Точно так же, как в стратегии успешным может быть лишь самое простое, так и в пропаганде – чем ярче и понятнее для всех будут ее лозунги, тем успешнее она будет работать для широких масс народа. Действие ее таково, что большинство тех, кто оказался под ее влиянием, не способны отличить собственные мысли от тех, что были насаждены в его голову пропагандой. Пропаганда во время войны поддерживается, а ее воздействие усиливается благодаря военным успехам на полях сражений, в то время как продолжительные затянувшиеся поражения подрывают доверие к ней. Пропаганда должна быть гибкой,

⁶ В соответствии с недавней оценкой, 1 810 000 членов вермахта были убиты между 1 сентября 1939 и 1 января 1945 года. Из них 1 622 561 относились к армии. Из остальных 1 500 000 большинство были армейскими служащими, но их следов отыскать не удалось. Большинство сделались военнопленными России.

хотя при этом не следует забывать, что тон ее нельзя менять каждый день. При определенных обстоятельствах она может быть весьма опасным ядом, разрушающим усилия пропагандистов помимо их воли, и они тем самым становятся пленниками собственной пропаганды. Примеры этого можно найти и с германской стороны, и со стороны союзников, как во время войны, так и после нее.

Во время войны об оружии следует судить по достигнутому эффекту. С этой точки зрения германскую пропаганду во Второй мировой войне внутри ее собственного лагеря следует считать необыкновенно эффективной, в то время как попытки врага повлиять на германский народ не достигли столь же внушительного результата, которого можно было бы ожидать по опыту Первой мировой войны. Это произошло отчасти из-за того, что при диктатуре очень трудно пробиться к народу, а отчасти оттого, что германский народ подвергался интенсивной нацистской пропаганде задолго до начала войны. Если принять во внимание эти обстоятельства, то неудивительно, что пропаганда союзников оказала столь незначительное влияние. В первые три года войны германская армия, флот и люфтваффе могли докладывать о своих успехах на многих фронтах, а германский народ и солдаты в большинстве своем еще не имели ощущения, что их толкают к неминуемому поражению. И лишь весьма немногие поначалу верили тому, что говорили пропагандисты с другой стороны. Однако все это изменилось, когда Отечество подверглось тяжелым бомбардировкам вражеских истребителей, и Германия была вынуждена переходить безо всякой надежды на позиции оборонительной войны. Можно сказать, что с конца 1943 года вражеская пропаганда начала оказывать разрушительное воздействие. Однако она не могла решительно влиять на волю людей к сопротивлению. Рабочие, несмотря на тяжелейшие атаки на их дома и фабрики, трудились до самого конца без забастовок или серьезных актов саботажа. Многие из них искренне верили в окончательную победу. В вермахте эффект вражеской пропаганды был не замечен до осени 1943 года и в целом распространялся лишь на персонал и учреждения в отвоеванных областях. Но немного позднее и солдат на фронте начал также испытывать на себе влияние пропаганды. Тем не менее вражеская пропаганда не оказывала решительного воздействия на окончание войны или на размеры поражения в большей степени, чем различные движения Сопротивления. В целом солдат сражался до тех пор, пока на нем было снаряжение и оружие. И лишь когда поставки продовольствия и снаряжения становились все более и более неадекватными в конце 1944 года, его воля сражаться начала ослабевать. Когда большие группы германских солдат сдавались, то это происходило исключительно из-за того, что их положение оказывалось безнадежным, но никогда как результат пропаганды. Возможно, пропаганда облегчала им решение сложить оружие, однако она никогда не была причиной такого решения. Те многочисленные солдаты, которые, будучи пленниками, поддались пропаганде, например на востоке, – вопрос другой.

Под руководством Геббельса наша пропаганда была сильнее. Иначе невозможно объяснить тот факт, что многие честные люди, при этом ни в коем случае не глупцы, до самого конца верили, что все переменится после введения нового чудо-оружия. Лишь таким образом можно объяснить то, что германский солдат выполнял свой долг почти повсюду вплоть до весны 1945 года, несмотря на то что он сталкивался с величайшими бедствиями на протяжении ряда лет. Здесь неуместно подробно рассматривать использовавшиеся методы, однако один из них был особенно эффективным, а именно – восстановление и подновление легенды о революции 1918 года, что было равносильно «ножу в спину». Мнение, что на этот раз Германия не должна упустить время, побуждало солдат продолжать сражаться до победного конца. Еще более глубокой по своему воздействию была формула Касабланки, согласно которой можно было принять лишь безоговорочную капитуляцию германского вермахта. Результат этой формулы оказался противоположным ожидаемому. Предоставляя выбор между безоговорочной капитуляцией и продолжением войны, враг более резко провел связь между германскими вооруженными силами и режимом Гитлера. Германская пропаганда изощренным образом представила такую

капитуляцию эквивалентной истреблению всей нации. Своим воззванием союзники весьма заметно поддержали требование Гитлера сражаться до последнего человека. Позже они признали роковые последствия этого, однако уже не могли взять свои слова назад. Все могло бы выглядеть совершенно по-другому, если бы они тогда сказали: «Мы ведем войну против режима Гитлера, но не против немецкого народа. Мы можем отчетливо отличать одно от другого. Мы обещаем, что разочарование по поводу «Четырнадцати пунктов» Вильсона не повторится».

И хотя меры, направленные против вермахта, стали еще более суровыми, орудие пропаганды продолжало успешно действовать. Однако интенсивное использование этого современного инструмента войны могло лишь оттянуть конец. Но избежать его было невозможно.

Глава 2

РОЛЬ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА

Задачи, влияния и сопротивление

Армии XVIII века были маленькие, а фронты, на которых они сражались, – узкие. Их военачальники могли обозревать почти все поле сражения. Им не нужны были помощники или советчики, они возглавляли свои войска самостоятельно. Даже Фридрих Великий не имел начальника Генерального штаба. И лишь французская революция принесла громадные перемены в ведение войны, ибо целая нация посвятила себя сражениям. Так родилась народная армия. Наполеон был пионером в искусстве войны; он, великий учитель того периода, покончил со старой линейной тактикой и знакомыми маневрами и показал, как надо наносить быстрые и повторяемые разрушительные удары, при этом не бросая тревожные взгляды через плечо на тыловые коммуникации и закрепленные на одном месте полевые склады с припасами. Рождение прусского Генерального штаба произошло во время быстрого развития искусства ведения войны; отсюда позднее вырос германский Генеральный штаб, который был порождением начала XIX века.

С 1821 года и далее германский Генеральный штаб – так его называли, чтобы отличить от штабов корпусов и дивизий, – подчинялся непосредственно королю, который также являлся главнокомандующим армией. Его глава имел право обращаться прямо к правителю без предварительного разрешения военного министра. Вначале влияние Генерального штаба было довольно слабым, однако после победоносных войн 1866 и 1870–1871 годов, успешное завершение которых главным образом приписывали начальнику Генерального штаба Мольтке, оно значительно возросло. Через Мольтке и Шлиффена, Гинденбурга и Людендорфа о германском Генеральном штабе узнали за пределами Германии. В 1916–1918 годах под руководством двух последних он также завоевал на некоторое время и политическое влияние. Когда же германская армия потерпела поражение в Первой мировой войне, победители потребовали роспуска Генерального штаба, что и произошло осенью 1919 года. С другой стороны, офицерам Генерального штаба при дивизиях и других соединениях было позволено остаться. Точно также было получено разрешение на занятие пяти должностей в армейском директорате в министерстве обороны офицерам Генерального штаба. Эти должности назывались Управлением войск. Однако в их распоряжении не было корпуса Генерального штаба, наделенного собственной властью и ответственностью. Офицеры Генерального штаба при дивизиях подчинялись командирам дивизий. Сферы занятости всех офицеров Генерального штаба постоянно варьировались между фронтом, штабом и Управлением войск. Между прочим, у них не было названия, и они проходили под именем контролирующие штабные офицеры. Естественно, они представляли собой элиту, так же как и в старой армии, и почти все, кто позже заняли высшие позиции, когда-то были офицерами контрольного штаба.

Между Управлением войск и Большим генеральным штабом старой армии существовали фундаментальные различия. Большой Генеральный штаб был центральной властью, на равных с военным министерством и подчинялся непосредственно кайзеру. Его руководители имели немедленный доступ к кайзеру по всем вопросам, касающимся Генерального штаба. Влияние, которое он мог распространить, было, таким образом, несравнимо большее, чем влияние начальника Управления войск. Последний представал перед главой армейского директората и был не чем больше, как его исполнительным инструментом. Таким образом, в республике тот, кто пришел после кайзеровского главы Генерального штаба, оказался на две ступени ниже военного министра. Сфера ответственности главы армейского директората была ограничена

чисто военной работой армии. Любые вопросы, выходившие за рамки внутренней политики, поступали в ведение военного министра рейха, который отчитывался за них перед рейхстагом. Соответственно военный кабинет имел чисто военные задачи, такие как распределение человеческой силы, организация, обучение, снабжение, военный железнодорожный транспорт, наземные укрепления (фортификация), получение информации об иностранных армиях. Глава Управления войск также отвечал за обучение и набор офицеров контрольного штаба. Кабинет войск имел равные права с другими четырьмя управлениями армейского директората.

Когда 16 марта 1935 года Гитлер объявил о «свободе вооружения» для Германии, название Управление войск было изменено на Генеральный штаб армии, а его глава стал главой Генерального штаба армии. Офицерам контрольного штаба вернули их прежнее название офицеров Генерального штаба, что произошло чуть ранее. А больше никаких иных изменений не произошло. Генеральный штаб остался исполнительным инструментом главы армейского директората, который теперь стал называться главнокомандующим армией. Он продолжал заниматься чисто военными задачами, ограничиваясь теми же сферами, как при 100-тысячной армии. Однако он получил дополнительную ответственность за мобилизацию. При режиме Гитлера Генеральный штаб продолжал набирать рекрутов только из людей, которые проявили себя среди войск; их выбирали исключительно за их характер и военные способности. В мирное время они проходили обучение в военных академиях, а во время войны – на специальных курсах Генерального штаба. Потом их назначали в Генеральный штаб на испытательный срок и лишь затем окончательно принимали на работу, если находили, что они полностью пригодны. Ошибки случались редко. Старая практика регулярных взаимных обменов фронтовыми и штабными офицерами, которая препятствовала какой-либо изоляции от войск, по-прежнему проводилась и в мирное время. Однако от нее пришлось отказаться во время войны. Причины состояли в громадном увеличении численности армии, с одной стороны, и нехватке подготовленных офицеров Генерального штаба – с другой. Эта нехватка оставалась довольно острой повсеместно, хотя время обучения постепенно сокращалось. Никто не ожидал такого громадного увеличения армии, поэтому туда поступали недостаточно подготовленные кадры. Дефицит никогда не приводит ни к чему хорошему. Например, в последние годы войны в штабах дивизий был только один, а в корпусах никогда не было более двух офицеров Генерального штаба. Бремя работы, которое изо дня в день ложилось на плечи этих людей, часто превосходило их силы. Старый девиз – «Работай много, появляйся редко; будь больше, чем кажется» – отражался в работе офицеров Генерального штаба до самого конца. К ним со всей справедливостью можно отнести высказывание Зекта: «Офицеры Генерального штаба не имеют имени». Офицеры Генерального штаба были помощниками командующих, начиная с уровня дивизий и выше. В соответствии с их специальным даром обучения, они были ответственны за подготовку и размещение войск, снабжение продовольствием, оценку позиций и намерений врага, а также за контроль над военным транспортом. Офицеры Генерального штаба были объединены в группы Генерального штаба в армиях под началом глав секторов, а в корпусах – под началом Генерального штаба. Эти начальники были подотчетны своим командующим за правильное распределение обязанностей целого штаба. Германский Генеральный штаб не был, даже в Третьем рейхе, специальной «организацией», не говоря уже о том, что он не был «тайным обществом». Он не вносил никаких предложений относительно того, как следует вести войну; в его задачи не входила и подготовка к войне. Задачей его была, так же как и прочих генеральных ставок, совершать технические приготовления таким образом, чтобы в случае войны армия могла быть готовой. Генеральный штаб не имел ни желания, ни возможности оказывать политическое влияние. Он стоял, как и предшественник, кабинет войск, на две ступени ниже военного министра и главнокомандующего вооруженными силами. Для положения начальника Генерального штаба армии показателен тот факт, что первый человек, занимавший этот пост, генерал Бек, был принят Гитлером лишь дважды в течение пятилетнего срока его пребывания

в должности. Даже военный министр фон Бломберг редко принимал Бека. В конце 1937 года Бек в моем присутствии пожаловался, что он уже три месяца не имеет возможности поговорить с Бломбергом. Единственное действие Бека, которое можно счесть как имеющее политический оттенок, состояло в дружеском визите к французскому генералу Гамелену в 1937 году по случаю Всемирной выставки в Париже.

Суд над военными преступниками в Нюрнберге доказал, что германский Генеральный штаб не принимал участия в политических решениях, которые принимались между 1933 и 1939 годами, и что его мнения не спрашивали до выхода из Лиги Наций. Генерал Маршалл, в то время глава американского Генерального штаба, в своем докладе президенту Трумэну 1 июля 1945 года высказал мнение, что общего плана Генерального штаба с нацистской партией не существовало, но были скорее острые разногласия во мнениях, между политическим и военным руководством. В этой связи следует упомянуть о следующем: в Нюрнберге среди остальных Генеральный штаб и ОКВ несли коллективную ответственность за то, что являлись организацией с преступными целями. Эта предполагаемая организация обвинялась в планировании и развязывании преступной агрессивной войны. Хорошо известно, что в отношении Генерального штаба вердикт гласил: «Невиновен», тем не менее под названием Генеральный штаб и ОКВ следователи и прокуроры объединили в одну группу⁷ начальников Генеральных штабов армии и люфтваффе, трех офицеров из ОКВ, главнокомандующих тремя управлениями вермахта и всех армий, групп армий, военно-воздушного флота и соответствующих военно-морских организаций, в то время как сами офицеры Генерального штаба осуждены не были. За исключением начальников Генеральных штабов и членов ОКВ, вышеупомянутые люди не были офицерами Генерального штаба, но командующими войсками. Причина выбора смешанного наименования Генеральный штаб и ОКВ авторитетными прокурорами не могла быть иной, кроме как желанием нанести по обоим – руководству и его помощникам – один удар. Это намерение было выполнимо легче, потому что в других странах, например Франции, Англии и США, начальник Генерального штаба не подчиняется, как в Германии, главнокомандующему армией, но сам занимает этот пост, во всяком случае, *de facto*.

Начальник германского Генерального штаба был лишь советником главнокомандующего и не обладал исполнительной властью. Он мог только отдавать приказы от имени командующего. И лишь по этой причине влияние Генерального штаба и в особенности его шефа постоянно и нелепо переоценивалось. В отношениях между Гитлером и Генеральным штабом не было трений вплоть до лета 1934 года. Но вскоре после печально известного 30 июня 1934 года пошли слухи о том, что в партии растет недовольство Генеральным штабом. Говорили о нем как о реакционном, и, как утверждалось, адъютанты могли также хорошо исполнять свои обязанности. Несомненно, что тут звучал голос *хозяина*. Гитлер не упустил из виду царящее в армии отвращение к поведению многих партийных бонз, к недостойному обращению с евреями и растущий с каждым днем политический оппортунизм. Позднее Гитлер видел в Генеральном штабе «последнюю франкмасонскую ложу Германии». В своем недоверии его поддерживали и укрепляли Геринг и Гиммлер. Первый считал, что Генеральный штаб – отсталый, а также мешает его амбициям поставить люфтваффе в первую позицию. Последний справедливо отмечал, что Генеральный штаб – главный источник сопротивления в армейском руководстве продолжающемуся росту членов ваффен СС.

⁷ Этот список включал имя генерал-полковника Бека, потому что он служил начальником Генерального штаба армии после 4 февраля 1938 года, и эта дата установлена как начало «измены», а также имя Гиммлера, потому что он был главнокомандующим группой армий «Верхний Рейн» недолгое время в 1944–1945 годах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.